

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Ерохиной Анны Михайловны «Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой емкости (на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»)» (Великий Новгород, 2018), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Диссертация Ерохиной Анны Михайловны представляет собой научное исследование такого явления, как подтекст, рассматриваемого в рамках лингвистики художественного текста.

Не вызывает сомнения актуальность исследования, поскольку лингвистический анализ художественного текста представляет собой особый интерес для современного языкознания. Это связано с обширностью объекта исследования, где остается много белых пятен, несмотря на большое количество появляющихся исследований.

Обращение к проблеме подтекста, то есть информации, переданной скрытым, неявным образом, позиционирует работу скорее в области лингвистической прагматики, что также определяет актуальность исследования. При этом прагматические исследования в большей степени проводятся на диалогическом материале, в меньшей – на текстовом.

В любом прагматическом исследовании акцент делается либо на авторе сообщения, либо на получателе. Рецензируемая работа скорее относится ко второму типу. В задачу диссертанта входило обнаружить скрытую информацию, квалифицировать ее и на основании этого установить принципиальное различие «между вершинной и массовой литературами» (С.9). Исследователь ставит себя на место читателя, объявляя чтение исходной точкой для выделения в тексте единиц, подвергающихся анализу.

Объектом исследования диссертант называет лексии, определенные ею как «любой отрезок текста, в котором возникает некий вторичный –

неназванный – смысл» (С.51). Проблема, с которой сталкивается диссертант и которую не решает, – интуитивизм в выделении количества лексий и их границ. Это не стоит воспринимать как замечание – интуитивизм как научный метод вполне может лежать в основе исследования. Однако нужно спросить: вторичный код возникает при чтении или задается при создании текста? Не более удачно было бы сказать, что он «возникает при чтении»? Тогда позиция исследователя стала бы более четкой, так как точкой отсчета является именно исследователь (анализ восприятия другими читателями, видимо, не проводился). В таком случае обоснованным было бы и использование слова «любой» в определении, оно означало бы – любой в восприятии читателя, а не любой – произвольный, как кажется сейчас.

При этом следует отметить очень внимательное отношение диссертанта к терминам и четкое их определение, тем более что ей приходится пользоваться терминами, имеющими разные толкования в науке. Это видно уже на примере способов определения подтекстовых значений, в качестве которых названы импликация, коннотация, пресуппозиция и контекст. Каждый из терминов имеет строгую дефиницию, отсутствует пересечение терминов, и в дальнейшем термины будут использоваться в основном четко в определенных значениях. Что касается основного понятия – контекста, то автор привела несколько определений в зависимости от подхода. Нам показалось, что наиболее подходящим определением было бы данное на с.6 автореферата: «подтекст является значением, которое добавляет те характеристики художественного образа, которые не названы в тексте». Однако в тексте диссертации предпочтение отдано другому определению: «имплицитная категория, которая не имеет вербального понятийного определения (номинации) в тексте, но, безусловно, присутствует в нем, как определенное, извлекаемое при более осознанной когнитивной интенции, неноминированное значение» (С.24). При очевидной близости двух определений второе вызывает вопрос, спровоцированный словом «интенция». Мы уже отметили, что диссертант располагает исследователя в зоне читателя, при этом интенция скорее относится к области автора

высказывания, чем его получателя. Для распознавания авторской интенции в прагматике используется термин «инференция», но вряд ли диссертант имеет в виду этот процесс. Может ли быть интенция читательской? Безусловно, и я готов допустить, что диссертант имеет в виду именно это, но, поскольку такое понимание в науке менее привычно, следовало бы либо указать на читательскую интенцию, либо изъять этот термин из определения.

Автор диссертации позиционирует подтекст в зоне между выраженным (эксплицированным) значением и фантазией по поводу текста, не основанной на значениях языковых единиц. Это замечание кажется нам очень уместным и важным, несмотря на то, что провести границу между фантазией и значением, неявно следующим из языковых выражений, чрезвычайно сложно. Существенна сама постановка вопроса. При этом такой подход дисциплинирует исследователя, оберегая его от волюнтаристских решений.

Текст диссертант рассматривает на уровне высказывания, то есть принимает во внимание адресованность текста, согласованность его с речевым актом, и дает, как замечает, «условную», но вполне подходящую для исследования формулировку: «законченное речевое целое» (С.28).

Завершая обзор основных терминов, скажем, что их система определена точно, логично, последовательно, а главное – каждый термин задает метод дальнейшего исследования, что чрезвычайно существенно для любого научного исследования. Наши замечания следует в этой части понимать как элемент научной полемики, что еще в большей степени показывает значимость рецензируемой диссертации.

Художественный текст рассматривается как модель, необходимая человеку для познания. Сравнение художественного текста с игрой, где доминирует наглядно-чувственное мышление, и научным познанием, где доминирует понятийное мышление, позволяет диссертанту разместить художественный текст как модель между двумя названными явлениями. Спецификой художественного текста, как отмечает диссертант, будет наличие неэксплицированной информации, которая и составляет подтекст. Необходимость ее

экспликация приводит к тому, что растет уровень усилий читателя для понимания текста. Условное количество информации, заключенной в подтекст, выражается в понятии «емкость художественного текста». Интересной представляется гипотеза автора о зависимости емкости информации от типа художественного текста.

Для анализа системы подтекста автор использует понятие кода и выделяет, основываясь на концепции Р.Барта, четыре основных типа кодов, заключающих в себе подтекстовую информацию. Все подтекстовые единицы разделены на три уровня, распределенные по шкале выраженности – невыраженности.

Принцип анализа текстов, предложенный диссертантом следующий: восхождение от первого уровня, отличающегося большей возможностью формализации, к третьему, для которого формализация не свойственна. При наличии маркеров первого уровня, проводится их анализ, затем исследуются маркеры второго уровня и т. д. Отметим, что диссертантом проведена огромная работа по выявлению скрытых смыслов в текстах двух романов. Анализ отличается скрупулезностью, добросовестностью, точностью выводов. Еще раз скажем, что доля интуитивного подхода достаточно велика, что приводит к возможному несогласию с отдельными положениями, однако это следовало бы рассматривать, как и было ранее, в рамках научной полемики. Например, анализируя лексику *«и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту»*, диссертант не фиксирует свое внимание на слове *как бы*, а ведь оно, как маркер субъективной модальности, имплицитно вводит нарратора. Кроме того, я бы обратил внимание и на написание типа *К-ну*, которое также вводит в текст неоднозначность, по-разному разрешаемую читателями с разным опытом.

Безусловным достоинством работы является то, что текст рассматривается как дискретная единица, позволяющая связывать неконтактно расположенные элементы. Это особенно ярко видно в разделе, посвященном герменевтическому коду. Разбирая пары лексий-вопросов и лексий-ответов, диссертант фактически создает семантическую сеть, ведущую к пониманию текста.

Тщательное выделение кодов позволяет формализовать этот процесс. Полагаю, что данная методика является продуктивной и может быть использована при анализе других художественных текстов.

Сравнение насыщенности подтекстами двух романов приводит к интересным выводам, которые диссертант предлагает экстраполировать на область высокой и массовой художественной литературы. Проведенный статистический анализ убеждает в справедливости полученных результатов.

В целом утверждаю, что рецензируемая диссертация обладает заявленной научной новизной. Теоретическая ценность заключается в разработке эффективной методики анализа художественного текста, практическая ценность – в возможности использовать результаты работы для анализа текстов художественной литературы.

Диссертант показал себя как человек образованный, в полной мере владеющий знаниями в выбранной области, умеющий работать с научными источниками, относиться к ним критически. Библиография включает в себя 201 позицию (в том числе две работы на иностранных языках) + 4 словаря.

Достоверность исследования подтверждают приложения, размещенные на с. 194 – 400.

Специально выделим некоторые замечания, которые не повлияют на общую оценку работы.

1. Использование термина «пресуппозиция» вызывает некоторые вопросы, так как его определение не совпадает с более распространенным толкованием данного понятия как в западной лингвистике (Столнейкер, Каплан), так и в отечественной (Арутюнова, Кобозева). Пресуппозиция в этих исследованиях рассматривается как невыраженный компонент значения, сохраняющийся при отрицании. Области значения двух толкований будут пересекаться лишь частично. Для выражения используемого диссертантом значения в современной прагматике чаще применяют термин «общее знание» или «общее основание» (common ground). Вероятно, автору следовало сказать, почему она

выбирает один из двух вариантов толкований и почему пользуется именно этим термином.

2. Примерно то же можно сказать о термине «импликатура». Странно, что диссертант не обращается к его толкованию создателем термина – Полом Грайсом, при том что такое определение является более встречаемым в лингвистической прагматике и семантике. Выделение типов импликатур, разработанное в науке, возможно, позволило бы диссертанту в ряде случаев дать более тонкий анализ.

3. В параграфе «Языковые особенности образования значений подтекста первого уровня в романах Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»» диссертант не привел ни одного примера из романа Б. Акунина, сославшись на то, что «они ничем не отличаются от языковых приемов Ф.М.Достоевского» (с.82). Учитывая деликатность проводимого анализа, высокий уровень интуитивизма, полагаем, что следовало привести хотя бы несколько примеров, чтобы у читателя не возникало сомнений, как и у диссертанта.

4. В ряде случаев для мотивации выявляемых смыслов диссертанту явно не хватало привлечения грамматических и грамматико-семантических сведений. Так, самая первая лексия романа «Преступление и наказание» (... *одни молодой человек вышел из комнаты...*) содержит актант в нереперентном употреблении, что в изображении конкретной ситуации всегда будет создавать семантическую лакуну, обуславливающую слабую когерентность и потребность заполнения этой лакуны в посттексте. Привлечение формальных средств делало бы работу еще более убедительной.

Сделанные замечания не являются концептуальными и не снижают достоинств работы, которая выполнена на высоком научном уровне.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию на научно-практических конференциях и семинарах, по материалам исследования опубликовано 6 статей, в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК.

Публикации по теме диссертации раскрывают положения, выносимые на защиту. Автореферат диссертации отражает ее содержание.

Все изложенное позволяет считать, что диссертационное исследование «Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой емкости (на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «Ф.М.»)» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для русской филологии и соответствует требованиям, изложенным в пунктах 9 – 11 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842 с изменениями Постановления Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2016 г. №335. Автор диссертации Ерохина Анна Михайловна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Сведения о составителе отзыва:

25.11.2018

Глазков Алексей Владимирович –
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
Института филологии
Федерального государственного бюджетного
учреждения высшего образования
«Московский педагогический государственный
университет» (МПГУ)

Почтовый адрес:

119435 Москва, Малая Пироговская ул.

д.1, стр.1

Телефон +7 499 246 57 12

alexey.v.glazkov@mpgu.ru

канд. филол. наук, доцент

В Глазкову
ДОСТОВЕРНО
Глеу
А.С. Никитина

А.В. Глазков

А.В. Глазков